
Книги, о которых спорят: ЖЗЛ

Ноу-хау биографического жанра

DOI: 10.31425/0042-8795-2018-3-62-83

Олег Ефимович Осовский

доктор филологических наук

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

(430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68;

email: osovskiy_oleg@mail.ru)

Аннотация. В статье анализируется вышедшая в серии «ЖЗЛ» биография Михаила Бахтина, написанная А. Коровашко (2017). Нарушение традиций и законов биографического жанра, отход от канонов документального жизнеописания, стремление сконструировать новый тип биографического повествования без глубокого знания эпохи и ее историко-культурного контекста, адекватного понимания идей мыслителя, отсутствие авторской саморефлексии — вот в чем видит рецензент причины провала этого биографического проекта.

Ключевые слова: М. Бахтин, А. Коровашко, ЖЗЛ, «бахтинская индустрия», популярная биография, ответственность биографа, исследовательская этика, законы жанра.

Статья поступила 14.10.2017.

Статус академического журнала и требования научной этики ограничивают образную свободу рецензента: ему не позволено поминать крыловскую героиню, вступающую в конфликт со слонем, глумиться над именем или биографией своего «объекта» и т. д. Реплики в подобной манере, столь любезной автору рецензируемой книги, оставим блогосфере. Создатель бахтинской биографии в этом смысле гораздо свободнее, его не сдерживает ничего или почти ничего, разоблачительный раж кажется ему основанием для самых нелепых обвинений в адрес своего героя или малообъяснимых и не выдерживающих научной критики обличительных сентенций. Возможно, дело в том, что биографу Бахтина не слишком интересна устоявшаяся традиция биографии, границы жанра ему узки, а необходимость опираться на документальные источники и архивные разыскания раздражает. Не оттого ли уже на второй странице рождается попытка получить индульгенцию на все возможные ошибки и неточности:

...биография Михаила Бахтина не до конца укладывается в каноны классического жизнеописания. По своей структуре она больше напоминает мифологический роман об умирающем и воскресающем «божестве» гуманитарной науки, чем строго документальный рассказ о земной судьбе реально существовавшего человека [Коровашко 2017: 7].

Лукаво опущенное «написанная мною» призвано придать некую универсальность предлагаемому варианту «трудов и дней ученого» и одновременно освободить пишущего от ответственности перед аудиторией. Какой спрос с романа? Романист имеет право видеть все по-своему, а отсутствие логики, фактические ошибки и т. д. списываются на своеобразие авторской поэтики, игру воображения и пр.

Позволю себе крамольную мысль: написать для массового читателя биографию Бахтина сегодня дело не слишком хитрое. Удачные опыты М. Холквиста и К. Кларк, С. и Л. Конкиных, многолетние разыскания Н. Панькова, В. Лаптуна, Л. Максимовской, Н. Николаева и др., эссе, статьи и воспоминания, интервью С. Боча-

рова, Г. Гачева, В. Кожина, Ю. Каган, публикация документов, в том числе и нескольких переписок, — вот источники, пользуясь которыми биограф-ремесленник без труда мог бы «наваять» страниц 400—500 добротного текста. Не говорю уже о беседах с М. Бахтиным В. Дувакина, сложившихся фактически в бахтинскую автобиографию, которой до сих пор не хватает только одного — масштабных примечаний, проясняющих и дополняющих то, о чем Бахтин рассказать не успел. Нам уже приходилось отмечать, что научная биография мыслителя тоже сложилась — это собрание его сочинений с обстоятельным комментарием [Осовский 2015].

Напомним, что условную модель биографии уже в интервью «О полифоничности романов Достоевского» дал сам ученый. На вопрос «Какие обстоятельства в творчестве Достоевского еще не затронуты?» он отвечает:

Прежде всего, биография. Все-таки пока биографии Достоевского у нас нет. Еще даже не нащупан биографический метод: как писать биографию и что в нее включать. У нас биография — это какая-то мешанина творчества с жизнью <...> Жизнь и творчество объединяются тем, что мы называем глубиной человеческой личности. Каждый человек един, хотя и не вмещает всего. В творчестве этот человек, если хотите, разрушает свое единство, он умеет перевоплощаться в других людей. Разделять и смешивать жизнь и творчество нельзя, но необходимо их различать, проводить границу между ними [Бахтин 2002: 462—463].

Бахтин, конечно, не писатель и вряд ли примерял эту схему на себя, однако уверен, что учесть его позицию небесполезно. Документальное повествование о жизни мыслителя, дополненное кратким описанием его идей понятным широкой аудитории языком, историей его трудов и их рецепции, реконструкцией культурно-исторического контекста, — вот что должно было составить содержание соответствующего тома в серии «ЖЗЛ». Может показаться, что и А. Коровашко в меру своих умений идет по пути стандартной биографии. Так, им выделены этапы жизни героя, ставшие главами повествования: это «детство, отрочество,

юность», годы в Невеле и Витебске, ленинградский период, ссылка в Кустанай и пребывание в Саранске и Савелове, второй саранский период и последние годы жизни, к которым добавляется разбор ряда бахтинских текстов. Все это распределено по девяти частям, стилистической разнотой названий которых есть, надо полагать, элемент игры автора с читателем: «Вечное возвращение», «Блистательный второгодник», «Озерная школа нравственной реальности», «Если рукописи не сгорают, их эксгумируют», «В Невеле-на-Неве», «Циклоп Полифон, или Как нам уконтрапунктировать Достоевского», «Жизнь в минус-пространстве», «Еще один упавший в низ», «Возвращение с того света».

Если говорить по существу, то можно спорить о тонкостях в распределении биографического материала, к примеру, надо ли объединять Кустанай с Саранском 1936—1937 годов, Савелово предвоенного и военного времени и Саранск 1940-х — начала 1950-х. Однако в самой обсуждаемой биографии по существу сказано, увы, не так много. Она сделана без особых новаций, открытий не содержит, в основном повторяет написанное М. Холквистом и К. Кларк [Clark, Holquist 1984], С. и Л. Конкиными, но сдобрена специфическим авторским юмором. На ее страницах появляется гимназист Михаил Бахтин — «блистательный второгодник», то ли по нерадивости, то ли по болезни задерживающийся в начальных классах гимназий и так и не получивший среднего образования; малоприметный житель военного Петрограда, после революции перебирающийся в провинциальный Невель, а затем в Витебск и присваивающий себе сюжеты биографии старшего брата и близких знакомых; бедствующий интеллектuala, взятый на заметку Ленинградским ОГПУ и приговоренный к Соловкам за участие в религиозно-философском кружке; кустанайский ссыльный, ненадолго оказывающийся преподавателем пединститута в Саранске, а затем вынужденный прозябать в савеловском захолустье; и. о. доцента и завкафедрой все того же саранского вуза послевоенных лет, к концу жизни чудом вознесенный к вершинам мировой славы.

Подлинных причин этой славы автор не объясняет и всеми силами пытается поставить под сомнение не толь-

ко бахтинскую гениальность, но даже способность ученого к порождению вменяемого философского текста. Вот характерный образчик разбора работы раннего Бахтина:

...в первой части им было обещано рассмотрение «основных моментов архитектоники действительного мира», причем «не мыслимого, а переживаемого». В сохранившемся фрагменте эта задача несколько конкретизирована (в той степени, в какой конкретизация сочетается со сгустками новых порций словесного тумана) <...> Затем он как бы снимает верхнюю куклу мыслительной «матрешки» и предлагает еще одну куклу, заменяющую обещанный образец архитектоники действительного мира, но помогающую приблизиться к его пониманию [Коровашко 2017: 148–149].

Покровительственное похлопывание по плечу, как представляется А. Коровашко, незадачливого философа и не очень умелого литературоведа, — так может быть определена манера общения автора со своим героем, неожиданная для жанра биографии. Описание жизни выдающегося мыслителя, по его собственному выражению, «на этой безблагодатной почве под этим несвободным небом» (цит. по: [Бочаров 1999: 475]) превращается то ли в памфлет, то ли в пасквиль, обещанный как опровержение мифов, но в действительности — их творящий.

Вместо разоблаченных книга полна мифов, порожденных авторским подсознанием, ни к Бахтину, ни к реальному бахтиноведению отношения не имеющих. Прежде всего это касается «бахтинской индустрии», термина, в 1986 году введенного замечательным американским литературоведом Г. С. Морсоном (подробнее см.: [Осовский 2003: 9–10]). Морсоновское «The Baxtin industry» было метафорой, призванной предупредить об опасности чрезмерной эксплуатации бахтинских терминов и понятий в литературоведческой практике, акцентировать необходимость точного понимания и использования его идей. Ирония Морсона по поводу многочисленных спекуляций на бахтинские темы ни в коей мере не касалась сущности бахтинского наследия, изучением которого он занимался многие десятилетия.

У Коровашко мысль об «индустрии» подкрепляется мыслью о диктатуре, красной нитью проходящей через книгу, — навязывание идей и текстов Бахтина гуманитарному сообществу, бедным студентам и аспирантам и т. д. Откуда взялось это мнение о «бахтинской диктатуре» и тоталитарно-репрессивных механизмах внедрения бахтинской теории в массы, непонятно. За всю жизнь мне ни разу не приходилось не только сталкиваться самому, но хотя бы слышать краем уха жалобы на насильственную «бахтинизацию» учебного или исследовательского процесса. Старательно выписываемая автором параллель между Бахтиным и Маяковским, которого, по выражению Б. Пастернака, после смерти «стали насаждать, как картошку при Екатерине Великой» [Коровашко 2017: 5], не выдерживает критики. В отличие от истории с создателем поэмы «Хорошо!» и «Стихов о советском паспорте» никто и никогда не требовал от студентов досконального знания бахтинских текстов или обязательного их цитирования в курсовых и дипломных работах. Зная замечательных преподавателей филологического факультета Нижегородского университета 1990-х годов, на которые приходилась учеба будущего биографа, сильно сомневаюсь, что И. Кузьмичев, И. Киреева, С. Сухих или Н. Фортунатов выступали в качестве несгибаемых пропагандистов полифонического романа и народной смеховой культуры.

А. Коровашко и сам чувствует, что признание популярности его героя вряд ли вызовет негативное отношение читателя. Превращение героя в антигероя требует куда больших сил и таланта, чем обычный рассказ о его судьбе. И вот предпринимается развлекательная попытка проанализировать лермонтовскую «Княжну Мери», якобы «руководствуясь методикой Бахтина» [Коровашко 2017: 393]. И так, Печорин

временно покинул царство смерти, образованное пространством военных экспедиций и полномасштабных сражений, и переместился на территорию, идентичную по своей функции островам блаженных европейской мифологии, где герои легендарных сказаний имели обычай исцелять свои раны и наслаждаться женским обществом. Главное средство восстановления

сил, предлагаемое пятигорским курортом, — это минеральные воды. Минеральные воды, бьющие из подземных источников, — это, как сказал бы Бахтин, моча земли («У самого Рабле (вторая книга романа) все теплые целебные источники во Франции и Италии образовались из горячей мочи больного Пантагрюэля», — замечает он в своем исследовании). Таким образом, Печорин, подобно многочисленным персонажам «Гаргантюа и Пантагрюэля», оказывается буквально потоплен в потоках мочи. Но это, как легко догадаться, амбивалентное событие: захлебываясь в земных испражнениях, Печорин не теряет жизнь, а, наоборот, всячески увеличивает ее витальный потенциал [Коровашко 2017: 393].

Очевидно, у читателя подобные пассажи должны вызывать гомерический хохот. К счастью для него, таких примеров в книге немного.

В качестве основного биограф избирает другой рецепт — показать человеческую несостоятельность Бахтина, который предстает в его версии странной смесью Хлестакова, Остапа Бендера и даже вампира [Коровашко 2017: 10, 11, 39, 341, 321]. Первым делом необходимо посеять сомнения в свидетельствах самого Бахтина. Изображая героя престарелым Мюнхгаузеном, он выявляет приемы, с помощью которых Бахтин, по его убеждению, водит за нос простака Дувакина, и первым делом обрушивается на рассказ о прошлом рода Бахтиных. В пересказанном Дувакину семейном предании о старинном дворянском происхождении биографу видится злокозненность самозванца. Выяснить, что эта легенда действительно бытовала в семье Бахтиных и в памяти М. М. ее освежил недавно присланный ему из Англии посмертный сборник работ старшего брата Николая (см.: [Vachtin 1963]), он не удосуживается, хотя именно эту книгу показывает Бахтин гостю в приведенной Коровашко цитате:

Сначала он вновь жалуется на память («Вот даты я так точно не помню»), затем отсылает Дувакина к такому источнику сведений, который невозможно проверить, но который наделяется им безусловной авторитетностью («Тут воспоминания брата есть, вот... в этом... английской-то... мемориаль-

ной книге. Ну, там есть кое-какие подробности детства)...
[Коровашко 2017: 45]

Кстати, этим же источником, а не только «генеалогическими побасенками» [Коровашко 2017: 8] руководствовался, по его собственному признанию, В. Кожин, когда писал биографический очерк для первого бахтинского *Festschrift*'а [*Проблемы...* 1973].

В череде разоблачений бахтинских коварств биограф так и не смог ответить на самые простые вопросы: в чем смысл бахтинских обманов и какую выгоду извлекает тот, дурача наивного собеседника. Напомним, не Бахтин приглашает Дувакина взять интервью, а сотрудник отдела фоновых документов библиотеки Московского университета приходит, чтобы записать свидетеля ушедшей эпохи. Бахтин — один из великих собеседников Дувакина, среди которых и А. Ахматова, и В. Шмельгин, и Н. Тимофеев-Ресовский, и Л. Тимофеев, и Г. Пospelов. Публикация этих записей не предполагалась, доступ к фондо документам был довольно ограничен, так что особого смысла разыгрывать многочасовой спектакль перед микрофоном, как это видится Коровашко, у Бахтина не было. Он рассказывал о том, что помнил, и так, как помнил.

Юность, как известно, не знает жалости к возрасту, однако наш автор не так юн, чтобы не понимать, что память не слишком здорового и уже очень немолодого (Бахтину почти 80) человека имеет свои особенности. Дело именно в них, а не в хитроумных приемах ухода от неприятных вопросов, как мнится автору, в описании которого Бахтин «мгновенно чувствует опасность быть выведенным на чистую воду и молниеносно, совсем не по-старчески, наносит упреждающий удар, в котором как раз педалируются преклонный возраст, уменьшение количества нейронных связей и прочие альцгеймероподобные неприятности: «С годами тут у меня, может, память изменяет, я путаю...»» [Коровашко 2017: 44]. Но возможно и другое объяснение: пытаюсь понять Бахтина, автор ориентируется на собственные нормы поведения.

У биографа, похоже, вообще непростые отношения с чужими воспоминаниями. Бахтин вовсе не единственный

мемуарист, в споры с которым он вступает. Так, ему не удается сдержаться и не поправить свидетельницу пребывания Бахтиных в Савелове.

Мы (ученики восьмого класса 14-й школы. — А. К.) называли его БАХтиным, с ударением на первый слог. Лишь потом, по телевизору, я неоднократно слышала, что все его называют БахтИн. Он нас ни разу не поправлял. Был очень интеллигентным (попутно заметим, что в этой информации Г. И. Мозжухиной есть ощутимое противоречие, — к учителю, и тогда, и сейчас, принято обращаться не по фамилии, а по имени-отчеству; Бахтин, конечно, мог слышать, как кто-то, увидев его, говорил: «О, смотрите, БАХтин идет!» — но вряд ли стал бы останавливаться и требовать соблюдения акцентуационных приличий; на уроках же нужда в «поправках» произношения его фамилии и вовсе никогда не могла возникнуть, поскольку, как мы уже сказали, единственная принятая форма обращения ученика к учителю — «проговаривание» имени и отчества. — А. К.) [Коровашко 2017: 324–325].

Представить себе, что старшекласники действительно могли обращаться к недавно появившемуся в школе и к тому же отличавшемуся повышенной строгостью учителю *товарищ Бахтин*, Коровашко отчего-то не может.

Затратив немало сил на то, чтобы посеять сомнения в достоверности бахтинских воспоминаний, автор вдруг начинает приводить их фрагменты как вполне заслуживающие доверия, но перечитать уже написанное ему недосуг, и концы с концами часто не сходятся. Вот, старательно оберегая «формалистов» от критики Бахтина, он восклицает: «И это говорит человек, от которого не сохранилось ни одной шутки, остроумной реплики, связанной с розыгрышем смешной истории и т. п.» [Коровашко 2017: 53]. Бог весть, как это сообразуется со свидетельствами очевидцев, приводимыми им самим! Шутил Бахтин и на лекциях, и в быту, и чуть ли не на смертном одре [Коровашко 2017: 400, 445]. Пример из воспоминаний доктора В. Найдина:

С конца 1974 года Бахтина все чаще мучит сердечно-легочная недостаточность. Чтобы справиться с ее приступами, из Института имени Бурденко, где работал Найдин, доставили баллоны с кислородом. Именно их содержимое Бахтин имел в виду, когда за несколько дней до смерти попытался пошутить: «Замените мне кислород на добротный анекдот!» [Коровашко 2017: 445]

Неужели редактор книги О. Елисеева лишь наслаждалась красотами стиля мифороманиста? Например, такими: «22 октября Бахтин завершает четырехдневный прыжок из классического реализма в царство туманной модернистской эстетики и приземляется на сцене клуба “Почтель”, принадлежавшего профсоюзу работников почты и телеграфа, где рассказывает о символизме в новой русской литературе» [Коровашко 2017: 104]. Похоже, среди творцов киберпанка или технотриллера Коровашко смотрелся бы органичнее. Или — эротической прозы: «Бахтин использует слово “карнавальное” в качестве лексической наложницы, выполняющей любые прихоти своего не в меру изобретательного хозяина» [Коровашко 2017: 400].

Процесс дегероизации, в том числе стилистической, оказался трудоемким. Конфликт сознательной установки на развенчание героя и сопротивляющегося бессознательного дает о себе знать. И Коровашко, выдавливавший из себя Бахтина по капле, так и не смог завершить этот процесс. Его бессознательное ведет свою игру, оно проговаривается, и в результате Бахтин в книге оказывается равновелик Солженицыну и Ельцину, а место «Проблем поэтики Достоевского» в культурном сознании советского человека 1960-х — рядом с «Одним днем Ивана Денисовича». То, что Коровашко активно не любит Солженицына и Ельцина, исторического масштаба этих фигур, думается, не отменяет.

Все это не придирки по мелочам. Подобные нестыковки — пример не столько авторской небрежности, сколько принципиально пренебрежительного отношения к фактам реальной жизни своего героя. Увлеченный разоблачениями, Коровашко оставляет за пределами повествования бесценный биографический материал: большая часть

писем Бахтину друзей по Невелю, воспоминания брата Николая, письмо М. Кагана Н. Бердяеву, бумаги из архива М. Юдиной, переписка с В. Турбиным и многое другое. Неужели только потому, что они работают против мифа о «плохом Бахтине»?

Погрузиться в атмосферу описываемых событий, пережить происходящее изнутри, выяснить элементарные детали автору недосуг. Отсюда — реальные ошибки, связанные как с интерпретацией бахтинских текстов, так и с рассказами о бахтинской эпохе. Состоятельность трудов Бахтина вызывает у Коровашко серьезные сомнения. Так, первая публикация «Искусство и ответственность» аттестуется как ««карликовая» статья», которая «большим количеством строк <...> похвастаться не может» [Коровашко 2017: 96]. Арифметический подсчет не лучший способ оценивать написанное мыслителем, среди излюбленных форм работы которого фрагмент и короткая запись. Да и с первой публикацией все не так просто. То, что сам Бахтин не придавал ей большого значения и даже забыл о ее существовании (обнаружена она Ю. Гельпериним уже после смерти ученого и републикована в 1977 году), вовсе не снижает ее значения для понимания истоков и контуров нравственной философии раннего Бахтина. Это искреннее высказывание двадцатитрехлетнего философа о характере отношений жизни и творчества, не претендующее на статус программного документа. Заметим попутно, что приставленные к определению «карликовая» кавычки не должны вводить в заблуждение: обилие кавычек в тексте, похоже, исполняет функцию смайликов.

На страницах той же невельской главы вдруг появляются «школяры» [Коровашко 2017: 67] — это не кто иные, как участники «Невельской школы философии». Характерное для автора стремление придавать тем или иным словам новые или дополнительные смыслы часто оборачивается против него. Участники «кантовского семинара» в Невеле хотя и чувствовали себя группой единомышленников, ни о какой школе не помышляли, а предложенное Н. Николаевым определение этого собрания как «Невельской школы философии» имеет метафорический характер.

К сожалению, Коровашко смутно представляет себе, как протекали беседы в дружеском кругу, и компенсирует недостаток знания оскорбительными (и плоскими) шутками:

Мария Вениаминовна Юдина, будущая знаменитая пианистка (утверждают, что пластинку, на которой она исполняет Моцарта, Сталин слушал перед смертью), с 1917 по 1920 год фактически делила свое время между Невелем и Северной столицей, прерывая учебу в Петроградской консерватории по таким веским причинам, как приступы суставного ревматизма и необходимость ухаживать за больной матерью. Следовательно, ее участие в «Кантовском семинаре» напоминало скорее сессии студента-заочника, чем семестровые бедствия прилежного «дневника» [Коровашко 2017: 67].

Может быть, атмосфера и характер общения этих людей стали бы понятней автору, припомни он надпись на известной фотографии из архива пианистки:

Самых дорогих и уважаемых друзей — память лета 1919 г. и всех его атрибутов: прогулок (с дождем и без дождя), костров, нравственной философии («циники — мегарики — киренаики — полусократики») — также знак любви Вам и дружбы нижеподписавшихся (цит. по: [Осовский 1993: 9]).

Узнаваемый автограф Бахтина стоит рядом с подписями Пумпянского, Горбатского, Слонимского. Увы, этого документа читатель в книге не найдет...

У автора книги странные для профессионального исследователя представления о правилах работы с чужими текстами и материалами. Широко пользуясь ими, он редко упоминает их авторов или публикаторов. Среди тех, кому повезло, С. и Л. Конкины, В. Махлин, Н. Николаев, Н. Паньков. Пожалуй, самое сильное место в анализе текста начала 1920-х, известного под условным названием «Автор и герой в эстетической действительности», поражает вдруг открывшимся глубоким знанием интеллектуально-философского контекста работ раннего Бахтина, в частности, точного указания на источник бахтинского фабулизма.

Там, где механическое проживание монотонных будней уступает место авантюрному действию, там и начинается жизненный фабулизм (не исключено, кстати, что категорию фабулизма Бахтин, как и многое другое, заимствовал (с пониманием дела пишет наш специалист по заимствованиям. — О. О.) у Вячеслава Иванова, в работе которого «Достоевский и роман-трагедия» под фабулизмом понимается «пестрая ткань разнообразно сцепляющихся и переплетающихся положений») [Коровашко 2017: 205].

Очарование момента, увы, длится недолго и исчезает при воспоминании о комментарии В. Ляпунова:

О «фабулизме» романов Достоевского см.: Вяч. Иванов «Достоевский и роман-трагедия» (1911) <...> Вяч. Иванов исходит из немецкой фразы «Die Lust zu fabulieren» — «страсть к вымыслу, сочинительству» <...> которую он тут же поясняет: «самодовлеющая радость выдумки и вымысла, ткущая свою пеструю ткань разнообразно сцепляющихся и переплетающихся положений» [Бахтин 2003: 522].

Иногда автор более изобретателен в маскировке чужого слова. Так, в истории невеликого приятеля Бахтина Б. Зубакина поставленная в скромные скобки фраза «здесь и далее мы цитируем Зубакина по его показаниям, данным следователям ОГПУ в 1923 году» [Коровашко 2017: 67] должна, по-видимому, создавать у читателя образ автора, стряхивающего пыль со старых папок где-нибудь в подвалах Лубянки. Упомянуть А. Немировского и В. Уколову, представивших в книге о «последнем русском розенкрейцере» огромный корпус архивных материалов, в том числе и многократно цитируемые Коровашко показания Зубакина [Немировский, Уколова 1994], автор не считает нужным. И это не досадная забывчивость, но прием, усвоенный в данной книге.

Можно предположить, что часть материалов к биографии выловлена Коровашко на просторах интернета. Вот характеристика яростного врага бахтинской диссертации профессора Р. Самарина в цитируемых воспоминаниях Е. Евниной:

Он по-своему «служил советской власти» верой и правдой. Был беспартийным, из осторожности не вступая ни в партию, ни даже в Союз писателей, но числился в беспартийных большевиках. Главной формулой, которой определялось его поведение, было «чего изволите?», но не в прямолинейном и вульгарном, а в достаточно тонком и завуалированном виде [Коровашко 2017: 368].

Удивительно, но в статье о Самарине в «Википедии» содержится этот же фрагмент [*Самарин...*]. Очевидно, срабатывает пушкинская формула «Бывают странные сближенья...». Не здесь ли коренится объяснение полного отсутствия постраничных ссылок?

Но не следует умалять значение творческой индивидуальности. Она проявляет себя и в характере допущенных ошибок. Иногда это незнание или невнимательность: так, Зубакина в начале 1923 года допрашивают следователи еще не созданного ОГПУ, а Бахтин предлагает prospect своей книги никогда не существовавшему издательству «Московский писатель» [Коровашко 2017: 67, 318]. Другие ошибки импортируются из чужих текстов, например приводимая в рассказе об издательской судьбе рукописи о Рабле цитата из письма А. Смирнова. Поскольку переписана она из комментария И. Поповой, то и допущенная в ней то ли описка знакомого Бахтина, то ли ошибка текстолога никак не проясняется:

К сожалению, я утратил с ними всякий контакт, особенно после того как зав. Литиздатом уже не П. И. Чагин, а профессор рус.(ской) лит.(ературы) (он же генерал, весьма выдвинувшийся в эту войну) Фед. Мих. Головниченко (Чагин — его первый заместитель). К сожалению, я с ним еще не знаком, чтобы обратиться к нему прямо, а из отдела зап.(адной) лит.(ературы) на мои письма мне просто не отвечают¹.

Заметим, что специалист по русской литературе мог бы опознать в профессоре и генерале Головниченко из-

¹ См.: [Коровашко 2017: 335; Бахтин 2008: 955].

вестного литературоведа и функционера Федора Михайловича Головенченко.

В другом случае злую шутку с автором биографии играет чрезмерная доверчивость. Так, обильно заимствуя из книги С. и Л. Конкиных факты [Конкин, Конкина 1993: 253–255], связанные с историей конфликта между деканом литфака и директором Мордовского пединститута, жертвой которого чуть не стал Бахтин в свой первый приезд в Саранск, и традиционно не ссылаясь на первоисточник, Коровашко повторяет и допущенные биографами Бахтина ошибки.

В конце 1936 года, то есть уже тогда, когда Бахтин был в Саранске, филологический факультет МГПИ проверялся специальной наркоматской комиссией, члены которой не только самым внимательным образом изучали студенческие конспекты на предмет наличия идеологической заразы, но и сидели на занятиях, «сканируя» крамолу в режиме реального времени (автор украшает чужой текст виньетками новых технологий. — *О. О.*). Отдельные преподаватели, в том числе и Бахтин, удостоивались персональных бесед-допросов, призванных наставить потенциальных троцкисто-зиновьевцев на путь истинный. В целом же комиссия осталась не очень довольна тем, как обстоят дела на проверяемом факультете. По итогам обследования был уволен его декан С. М. Петров — тот самый ученик Медведева, который фактически и организовал переезд Бахтина в Саранск [Коровашко 2017: 307–308].

Перепутано все: литературный (*sic!*) факультет проверяла комиссия Саранского горкома партии; уволен был Петров не по итогам ее работы. Подробно описывающий этот эпизод В. Лаптун, опираясь на найденные им архивные документы, утверждает, что заявление декана написал сам в результате все более усиливающегося конфликта между ним и директором Антоновым, а приказ об отстранении его от работы вышел 17 января 1937 года уже после того, как Петров покинул Саранск [Лаптун 2006: 13–16].

С. Конкин по инерции атрибутирует декана литфака как С. М. Петрова, имея в виду известного специалиста в облас-

ти русского исторического романа Сергея Митрофановича Петрова, действительно работавшего в Мордовском пединституте, но — в годы войны. Коровашко мог бы легко исправить эту ошибку, загляни он в примечания к «Беседам Бахтина с Дувакиным» [*Беседы...* 1996: 315]. Подлинный герой этого эпизода — Георгий Сергеевич Петров. Именно его, «заведующего отделом пединститутов, моего <...> декана по Саранску, бывшего декана», встречает Бахтин в том фрагменте воспоминаний, который Коровашко цитирует в рассказе о возвращении Бахтина в Саранск [Коровашко 2017: 337—338]. А обратиться он к статьям В. Лаптуна и С. Дубровской [Лаптун 2014; Дубровская 2014], узнал бы, что именно Г. С. Петров был тем самым неведомым ему «высоким покровителем» [Коровашко 2017: 341], который по мере возможностей старался облегчить Бахтину не только условия пединститутского труда, но и путь к защите и последующее прохождение диссертации. Вот фрагмент письма Петрова Бахтину, датированного началом апреля 1948 года:

О Вашей диссертации определенного чего-либо не удалось добиться. Вернусь 12—13 апреля — добьюсь и сообщу. Но должен сказать Вам то же, что говорил в личной беседе — оснований для отмены решения Совета института нет (так сказал мне Мовшович, начальник юридической части Министерства Высшего Образования, которого я знаю). Есть надежда, что просьба о присвоении степени доктора будет удовлетворена (цит. по: [Дубровская 2014: 64]).

Этот материал заметно меняет конфигурацию привычной истории с бахтинской диссертацией, и остается пожалеть, что автор прошел мимо него. Впрочем, перечислить все, мимо чего прошел Коровашко, означало бы документально обосновать то, что он якобы и пишет — биографию Бахтина. Так, сетуя на небольшую «публикационную активность» [Коровашко 2017: 224] Бахтина конца 1920-х, он ограничивается минимальной характеристикой статей о Толстом: «...в XI томе полного собрания художественных произведений Льва Толстого в качестве предисловия печатается статья Бахтина “Толстой-драматург”, а в XIII томе — статья “Идеологический роман Л. Н. Толстого” (в 1930 году

оба этих тома выйдут дополнительным тиражом)» [Коровашко 2017: 224]. Казалось бы, вот повод поговорить о том, как Бахтин пытается выстроить отношения с новым идеологическим дискурсом и советским литературоведением, как формируется так называемый советский Бахтин. Но это биографу не интересно, как и не упомянутые им «Проблема речевых жанров», «Ответ на вопрос редакции “Нового мира”», «О полифоничности романов Достоевского» и многие другие работы 1950-х — начала 1970-х.

В середине книги возникает странное ощущение, что автор устал от своего героя, от тяжелого и нудного труда биографа-исследователя. Мысль его начинает перескакивать с одного сюжета на другой, а логика повествования дает окончательный сбой, когда из начала 1950-х он стремительно перемещается в 1965 год, чтобы обрушиться с критикой на монографию о Рабле, — и это при том, что ее издательская предыстория вкупе с рассказом о бахтинском «возвращении с того света» будет изложена только в следующей главе.

Если бы наша книга была сугубо литературоведческой, то законы жанра потребовали бы дотошного сопоставления всех редакций и вариантов бахтинской «раблезианы». Но жизнеописания диктуют совсем другие законы, поэтому мы охарактеризуем только ее итог — книгу «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», вышедшую в 1965 году [Коровашко 2017: 372].

Не будем дискутировать об обоснованности выбора для анализа именно текста монографии о Рабле, а не рукописи диссертации. Здесь много нюансов, до которых нет дела автору популярной биографии. Но вот читателю посочувствуем: ему предстоит пережить когнитивный диссонанс. Автор, только что яростно высмеивавший противников бахтинской диссертации, начинает критиковать обнаруженные им многочисленные недостатки этой концепции. Тут он, как кажется, вполне самостоятелен и в авторитетных союзниках (среди несогласных с Бахтиным в разное время оказывались и А. Лосев, и А. Гуревич, и С. Аверинцев) не нуждается. Все сам! Но критика эта, на наш взгляд, мало аргументирована, да и вывод слабоват. В. Шкловский, к бахтинскому

«Рабле» относившийся без особых симпатий, удивился бы, увидев себя рядом с Бахтиным в финале этой главы:

Итак, постулируемая Бахтиным карнавализация теснится вместе с острашением Шкловского на одной смысловой площадке. И это несколько неожиданное соседство лишний раз убеждает нас в том, что Бахтин очень часто лишь по-своему интонировал уже известные положения и тезисы. «Нащупывая» их в речевой утробе «Творчества Франсуа Рабле...», мы не занимаемся, разумеется, восстановлением чьего-то приоритета, а лишь пытаемся обновить застывшие представления о классической книге, придать ее содержанию дополнительную осязаемость. Надеемся, что хотя бы частично эта задача решена [Коровашко 2017: 399].

Похоже, в этом автор не очень уверен. Как иначе можно объяснить то, что в следующей главе он спохватывается и вновь принимается ругать карнавал: «В предыдущей главе нашего биографического исследования мы уже говорили, что постулируемая в книге о Рабле “карнавальность” столь всеобъемлюща, что находима абсолютно везде, расплазаясь в итоге в полное ничто» [Коровашко 2017: 425].

Расползается и созданная автором биография, которая к концу из «мифологического романа» вдруг превратилась в «биографическое исследование», хотя никаким нормам профессионального исследования она не соответствует. Вывод неутешителен: книга не состоялась ни как документальное жизнеописание, ни как литературное произведение. Претензии автора на писательскую самобытность оборачиваются потоком странных экзерсисов, знание огромного историко-литературного материала (от Германа Гессе и Джона Фаулза до Степана Щипачева!) — сумбуром цитат, возникающих исключительно по принципу свободных ассоциаций, таким литературным тестом Роршаха. Свобода нарратива скатывается в говорок подворотни: «Пацан сказал — пацан сделал» [Коровашко 2017: 118].

Чем ближе финал, тем отчетливее подозрение: перед нами обычная проделка трикстера, одним махом решившего поквитаться с надоевшей ему наукой о литературе, головоломками современной философии и прочей зауми, собст-

венной неустроенностью в «лихие девяностые», а главное — то ли с издательством «Молодая гвардия», то ли со всеми издательствами сразу, похоже, за отвергнутые в молодости рукописи. В таком случае шутка удалась. Вот только при чем тут Бахтин?

Литература

Бахтин М. М. Собр. соч. в 6 тт. Т. 6. «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. / Ред. С. Бочаров, Л. Гогтишвили. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002.

Бахтин М. М. Указ. изд. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов / Ред. С. Бочаров, Н. Николаев. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003.

Бахтин М. М. Указ. изд. Т. 4. Кн. 1. «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930–1950-е годы). Комментарии и приложения / Ред. И. Попова. М.: Языки славянской культуры, 2008.

Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М.: Прогресс, 1996.

Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999.

Дубровская С. А. «Гоголь и Рабле» как сюжет отечественного литературоведения 1940–1980-х гг. // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 6. С. 62–71.

Конкин С. С., Конкина Л. С. Михаил Бахтин (Страницы жизни и творчества). Саранск: Мордов. кн. изд., 1993.

Коровашко А. В. Михаил Бахтин. М.: Молодая гвардия, 2017. (ЖЗЛ).

Лаптин В. И. Кустанай — Саранск — Кустанай: М. М. Бахтин в 1936–1937 гг. // М. М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. 2–3 / Ред. О. Осовский. Саранск, 2006. С. 9–21.

Лаптин В. «Располагайте мною по-дружески...»: о годах дружбы М. М. Бахтина с Г. С. Петровым // Странник. 2014. № 2. С. 187–193; № 3. С. 180–185.

Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М.: «Прогресс» — «Культура», 1994.

Осовский О. Е. Человек. Слово. Роман. (Научное наследие М. М. Бахтина и современность). Саранск: РИК «Трио», 1993.

Осовский О. Е. В зеркале «другого»: рецепция научного наследия М. М. Бахтина в англо-американском литературоведении 1960-х — середины 1990-х годов. Саранск: <Б. и.>, 2003.

Осовский О. Е. Рец.: Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1996—2012 // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2015. № 2. С. 61—67.

Проблемы поэтики и истории литературы: Сб. статей: К 75-летию со дня рождения и 50-летию науч.-пед. деятельности Михаила Михайловича Бахтина / Отв. ред. С. С. Конкин. Саранск: <Б. и.>, 1973. С. 5—10.

Самарин Роман Михайлович // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BD_%D0%A0%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD_%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87#cite_ref-2 (дата обращения: 05.09.2017).

Bachtin N. Lectures and essays. Birmingham: University of Birmingham, 1963.

Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge: Harvard U. P., 1984.

References

Bachtin, N. (1963). *Lectures and essays*. Birmingham, Eng.: University of Birmingham.

Bocharov, S. (1999). *The plots of Russian literature*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.)

Bocharov, S. and Gogotishvili, L., eds. (2002). *The collected works of M. Bakhtin (6 vols). Vol. 6. 'Problems of Dostoevsky's Poetics' (1963). Works of the 1960s to the 1970s*. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.)

Bocharov, S. and Nikolaev, N., eds. (2003). *The collected works of M. Bakhtin (6 vols). Vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s*. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.)

Clark, K. and Holquist, M. (1984). *Mikhail Bakhtin*. Cambridge: Harvard U. P.

Dubrovskaya, S. (2014). Gogol and Rabelais as a subject of national literary studies in 1940-1980. *Izvestiya RAN. Literature and Language Series*, 73(6), pp. 62-71. (In Russ.)

Duvakin, V. (1996). *Conversations between V. D. Duvakin and M. M. Bakhtin*. Moscow: Progress. (In Russ.)

Konkin, S. (1973). *Problems of poetics and literary history: A collection of articles in honour of Mikhail Mikhailovich Bakhtin's 75th birthday anniversary and his 50th work anniversary*. Saransk: <n. p.>. (In Russ.)

Konkin, S. and Konkina, L. (1993). *Mikhail Bakhtin (Episodes in his life and work)*. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatelstvo. (In Russ.)

Korovashko, A. (2017). *Mikhail Bakhtin*. Moscow: Molodaya gvardiya. (*The Lives of Remarkable People* series). (In Russ.)

Laptun, V. (2006). Kostanay — Saransk — Kostanay: M. M. Bakhtin in 1936—1937. In: O. Osovsky, ed., *M. M. Bakhtin in Saransk: documents, materials, research*. Vol. 2-3. Saransk: Krasny Oktyabr', pp. 9-21. (In Russ.)

Laptun, V. (2014). 'I am at your service as a friend...': M. M. Bakhtin's years of friendship with G. S. Petrov. *Strannik*, 2, pp. 187-193; *Strannik*, 3, pp. 180-185. (In Russ.)

Nemirovsky, A. and Ukolova, V. (1994). *Starlight, or The last Russian Rosicrucian*. Moscow: Progress — Kultura. (In Russ.)

Osovsky, O. (1993). *Person. Word. Novel. (The scholarly heritage of M. M. Bakhtin and the modern time)*. Saransk: RIK Trio. (In Russ.)

Osovsky, O. (2003). *In the mirror of 'the other': Reception of M. M. Bakhtin's scholarly heritage in English-American literary studies of the 1960s — mid-1990s*. Saransk: <n. p.>. (In Russ.)

Osovsky (2015). Review. *Izvestiya RAN. Literature and Language Series*, 74(2), pp. 61-67. (In Russ.)

Popova, I., ed. (2008). *The collected works of M. Bakhtin (6 vols)*. Vol. 4. Book 1. 'Francois Rabelais in the History of Realism' (1940). *Material relating to the book on Rabelais (the 1930s-1950s). Comments and addenda*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.)

Samarin, Roman Mikhaylovich (2018). In: *Wikipedia*. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BD_%D0%A0%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD_%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 [Accessed 5 Sep. 2017]. (In Russ.)

The know-how of the biographical genre

DOI: 10.31425/0042-8795-2018-3-62-83

Oleg E. Osovsky

Doctor of Philology

N. P. Ogarev Mordovia State University

(68 Bolshevistskaya St., Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russia; email: osovskiy_oleg@mail.ru)

Abstract: The article offers a detailed examination of Mikhail Bakhtin's biography by A. Korovashko, which came out in *The Lives of Remarkable People* series [*Zhizn' zamechatelnykh lyudey, ZhZL*] in 2017. M. Bakhtin's life and legacy have always sparked keen interest among Russian and foreign scholars alike, but his biography still holds its secrets and, despite the efforts of M. Holquist and K. Clark, of S. and L. Konkin, N. Nikolaev, N. Pankov, I. Popova, and others, a comprehensive scholarly version is missing to this day.

With his ideas permeating the global intellectual environment and his theories influencing the modern studies of human sciences, Bakhtin is a preeminent contemporary thinker. It is only natural, therefore, that his biography by A. Korovashko, entitled *Mikhail Bakhtin*, was published in the *ZhZL* series.

In his attempt to offer his own view and interpretation of the scholar's lifetime and the historical and cultural context of his research, Korovashko decided to debunk what he calls 'the Bakhtin myth' and undermine the so-called 'Bakhtin industry'. However, his unusual manner of ironic narration and a penchant for literary reimagining of the subjects lead to the emergence of factual errors and inaccuracies, while the author's rhetoric of demystification frustrates any professional and competent analysis of Bakhtin's theories.

Keywords: M. Bakhtin, A. Korovashko, *The Lives of Remarkable People* series [*Zhizn' zamechatelnykh lyudey, ZhZL*], 'Bakhtin industry', popular biography, a biographer's responsibility, research ethics, genre prescriptions.

The article was received on 14 October 2017.